

Дарья Агапова – Александр Райхштейн

Я знаю, что ты – в своем роде волшебник и твой опыт создания детских экспозиций едва ли транслируется. Но все же, может быть есть какие-то рецепты, которыми можно поделиться?

Начнем с того, что я не очень знаю, что такое выставки для детей. Я ведь делаю либо про детей, либо с их участием. Детские ли это выставки? Конечный результат всегда адресован взрослому и именно его наводит на разнообразные размышления. Ну а детям там предложено что-то соблазнительное, чтобы они хотели участвовать. Форм работы у меня много – нет одной налаженной модели, извлечь из них рецепты довольно сложно.

Но ведь есть какой-то общий знаменатель?

Да, в любом случае это проекты с участием кучи народа разных специальностей, которыми я сам не владею. А вот степень вовлеченности публики, когда продукт готов, варьируется. Иногда именно на этом вовлечении все и держится, как, например, в «Бестиариуме». Вообще все мои проекты – это беззастенчивая эксплуатация энергии народных масс. Люди приходят на выставку с массой сил и желают эти силы потратить, – грех не воспользоваться. Особенно дети - во всяком случае, краник, чтобы энергия потекла, у них легче открывается. Я использую детей в качестве рабочей силы или приманки для вовлечения взрослых.

Давай выберем самый показательный проект из тех, что делаются в сотрудничестве с музеем, и про него расскажем подробно. Как выглядит заказ? Чем отличается заказ в Финляндии и в России?

Это идеальная схема, когда проект делается в сотрудничестве с музеем. «Заказ» (поставим его в кавычки) выглядит очень по-разному. Здесь в Финляндии это предельно открытая ситуация – задается только самая общая тема. Ну вот, скажем, готовится большая выставка в художественном музее, например, Карла Ларссона в Атенеуме (*финская Национальная галерея – прим. ред.*). Надо для нее сделать что-то эдакое – с участием детей и публики вообще. Вот и все рамки! Дальше – большая свобода и большое доверие. Никаких худсоветов или коллективного обсуждения идеи. Мне это нравится, я не очень верю в возможность основную идею – тот живой образ, который ляжет в основу инсталляции, породить коллективно. Я его могу родить только сам. Хотя музей, конечно, может меня вдохновить. Зато вот дальше – наоборот: в ходе воплощения я жажду сотрудничества с музеем, и он идет мне навстречу. В России я, к сожалению, часто сталкивался с обратным: существенное (и излишнее) вмешательство в ходе рождения идеи, зато реальной помощи в процессе осуществления подчас не хватает.

Ты ведь имеешь в виду не только практическую помощь, но и содержательную?

Конечно. Я жду информации об экспонатах, о фондах. Я жду дополнений, предложений, чтобы идею «обрастить мясом». Но при этом важно, что я сохраняю возможность сказать, что вот это

дополнение годится, а это нет. И здесь никто не давит. Потому что кто-то один должен держать в голове конечный образ, иначе все начинает расплзаться, особенно когда проект большой и много хлопот.

Бывает, наверно, и наоборот – когда музей не принимает что-то из твоих идей?

Конечно! Бывают обстоятельства совершенно причудливые, и я готов их учитывать. Из ограничений и запретов иногда рождаются очень интересные выходы. И право вообще отказаться от идеи у музея всегда есть, потому ли, что она слишком дорогая, или еще почему-то.

В случае с Ларссоном идея была принята сразу?

Сразу. С Атенеумом было работать потрясающе. Задание было сформулировано в очень общей форме: сделайте так, чтобы детям было интересно. Тут важно понимать про Ларссона – он много рисовал детей, и в сознании публики он чуть ли не детский художник. И люди придут на выставку семьями, а на самом деле детям там делать нечего. Поэтому музей правильно рассчитал, что должно быть что-то особенное, и не на выселках, а прямо внутри экспозиции, но в отдельном зале, потому что рядом с картинами ничего особо интерактивного хранители делать не позволят. И все 100 тысяч посетителей выставки прошли через этот зал. Кто задержался на пять минут, а кто и на несколько часов, последние, конечно, с детьми. И ответ на так сформулированный запрос, как мне теперь кажется, мог быть только один. Для Ларссона семья и домашний мир обладали такой огромной ценностью, какую они могут иметь только для человека, который их с большим трудом получил: выбился в люди и создал себе счастье в отдельно взятой шведской деревне. В результате он все уголки этого счастливого мира с огромной тщательностью и любовью нарисовал – каждую стену. Непонятно даже, как до этой выставки никому не пришло в голову, что надо эти его крошечные акварели увеличить опять до размеров стен и составить их в нужном порядке, чтобы получились пространства. Это и способ рассмотреть акварели, потому что они крошечные, плохой сохранности и выставляются в полутьме. В моем зале их можно было разглядеть во всей красе – размером два на три метра. Даже искусствоведы обнаружили ранее не виданные детали: что там Ларссон держит на полочке в кухне...

Как улики в фильме «Blow-up» Антониони...

Да-да, там много было открытий – вплоть до названий книг на корешках. Кроме того, эта конструкция дала возможность насытить пространства реальными вещами – например игрушками в детской.

А вот этим ты занимался или музей?

Это самое главное. Я придумал только идею, сделал макет со всеми открывающимися дверками и окнами. И мне было ясно, что это можно насыщать, но как, и где взять, и кто будет в это играть с детьми, потому что многие из аксессуаров не очень «открываются» без помощи взрослого, – это я не понимал. И тут нельзя переоценить роль музейного куратора. В Атенеуме куратором была

Эрика Отман – заведующая педагогическим отделом музея. Она привлекла массу людей. Национальный театр запустил нас в свои кладовые и поделился реквизитом. Ведь нам нужен был не просто стол, а именно тот стол, который «вылез» из картины. Понятно, что только музей может на такое дело склонить Национальный театр. Она привлекла целую, я бы сказал, толпу студентов – будущих педагогов. Специальности у них разные – от ручного труда до словесности – и согласно интересам каждого им было поручено придумать для выставки разные занятия.

Тут самый интересный вопрос – как участников мотивировать...

Конечно, их тоже нужно было сначала увлечь. Этим мы занимались задолго до открытия выставки. В этом случае университет успел включить проект в учебный план. Я все показывал студентам еще в макете. Если хочешь, чтобы получилась совместная работа, совершенно необходимо, чтобы идея всем сильно понравилась. Поэтому я устроил перед ними настоящий спектакль. И они напридумывали бездну всего – и художественные занятия, и уголок чтения, и театральный шкаф... Они придумали в десять раз больше, чем можно осуществить, и это замечательно, потому что было, из чего выбирать.

И не то же самое, что придумал бы ты сам...

Абсолютно! И потом они сами это осуществляли, работая на выставке. И были такими особенными гидами-авторами, а не исполняли чужую идею. Почти все занятия предусматривали совместную деятельность взрослого и ребенка, потому что именно так и было в семье Ларссонов и именно этим они отличались от других семей, например, дети все время возились в мастерской отца-художника, что было совсем не принято в то время. Часть задумок студентов была простой в реализации, другие – сложнее. Например, пришлось изобрести особой упрощенной конструкции ткацкий стан. Его по заказу студентов сделали музейные плотники.

Эта выставка – редкий случай, когда не потребовалось участия твоего постоянного партнера – инженера Мартина Хакенберга.

Все-таки я с Мартином советовался. Я ведь научился работать со свойствами того материала, на котором трехметровые акварели были напечатаны, произвольно варьируя степень его прозрачности. Например, стены были почти непрозрачны, оконные стекла – полупрозрачны, а открытые окна – прозрачны совсем. Но мне еще нужно было, чтобы двери и шкафчики на картинах открывались и закрывались, и чтобы все это выдержало детскую энергию. Важнейшую роль сыграл специалист из типографии. Перед ним я почти такой же театр устраивал, как перед студентами, чтобы он проникся идеей. Результат: 100 тысяч закрываний, и ничего не сломалось.

Были и другие партнеры в этом проекте?

Удалось найти в Хельсинки такой музей, который не только предоставил на выставку детскую мебель, аксессуары, посуду и игрушки той поры, но и разрешил в них играть – Музей детского сада. Я их так зажег, что они порылись в подвале и на чердаке и нашли кучу

некаталогизированного добра, без инвентарных номеров. Именно его они нам и дали, не нарушая своих правил.

Кажется, можно так подвести черту: твоя роль как художника, кроме создания идеи, заключается в том, чтобы всех этой идеей вдохновить и заразить.

Да-да, и кроме того, еще отрезать лишнее, то, что толпой воодушевленных участников будет творчески произведено, но не годится, потому что разрушит проект, уведет в другую сторону. Потому что люди разные, и все расплзается, если не держать целое. И, я считаю, вполне реально осуществлять эту «редактуру» так, чтобы никого не обидеть. И еще одно важное обстоятельство, о котором именно мне приходится заботиться: чтобы сохранилось эстетическое качество, правильный ритм... Это то, до чего многим дела нет вообще, может быть, с их точки зрения, лучше, чтобы просто больше влезло. Ан нет, тут вот нужна пауза. И качество исполнения работ – это тоже то, что я стараюсь контролировать.

То есть музей передоверяет тебе эту ответственность?

Здесь вообще принято – не только в музее – если приглашается специалист, то он отвечает за то, что делает, и ему доверяют. Если не понравится, в следующий раз не позовут. И все гораздо менее бюрократизировано: никаких техзаданий. В общем, моя проектная документация – это детальный макет в масштабе. С проблемами, связанными с тендерами, я сталкивался здесь только однажды, потому что планка, после которой нужен тендер, гораздо выше, и обычно я под ней свободно прохожу.

Сильно ли это осложняет жизнь, когда нужно совместить в сопровождении выставки два-три языка? Есть ли наработанные приемы?

Общий наработанный прием здесь в Финляндии: не всем одно и то же, а каждому что-то. Например, когда говорят речи на открытии, то звучит на трех языках разный текст, потому что многие знают больше одного языка и мучить кого-то скукой – так же плохо, как оставить кого-то совсем ничего не понимающим. А вот в афише совместить три языка сложно, и поэтому я часто называю проекты не по-фински, а по-латыни и оставляю название без перевода. Как *Bestiarium Construendum*.

Всегда ли удается заразить идеей?

Нет, конечно. Есть люди, которых ничем заразить нельзя. Но поскольку это детская тема, и все были когда-то детьми, обычно это возможно. И тут есть одно важное обстоятельство: чем больше народу вовлечено, тем больше требуется времени. Для того, чтобы насытить жизнью проект, чтобы в нем было приложение множества рук, голов и сердец, нужно принципиально больше времени закладывать. В России при работе над проектом часто не хватает времени на эту стадию, которую я ценю не менее воплощения основной идеи. И это всегда очень обидно и лишает проект

части смысла. Я не люблю монтажей в последнюю ночь. Я люблю спокойно с удовольствием доводить все до совершенства.

ПОДПИСИ ПОД ФОТОГРАФИИ:

Bestiarium Construendum

Квазиархеологический конструктор, состоящий из как будто бы каменных, но легких, фрагментов фигур, из которых дети могут создавать скульптуры мифологических и реальных существ. «Бестиариум» выставлялся в музее Амоса Андерсона в Хельсинки и приезжал в Музей истории религии в 2006 году на фестиваль «Детские дни в Петербурге».

«Гнездо»

В огромном яйце обитает некто таинственный, готовый вступать в контакт с еще неизвестным ему миром. Реагируя на прикосновение к скорлупе, он пробует познакомиться, задает вопросы на разных языках, позволяя ребенку занять позицию знатока, защитника. Проект выставлялся в Атенеуме, а также в Москве в галерее «pARTner project» и затем постоянно поселился в школе № 191.

«Стихи на ощупь»

Передвижная выставка спроектирована таким образом, чтобы ставить слабовидящего ребенка в позицию сильного по сравнению с ребенком с нормальным зрением. Тактильные и звучащие объекты обыгрывают стихи современных детских поэтов. Для этого проекта А. Райхштейн представил только идею и макет, а осуществлена она полностью командой «АртТерра» в Петербурге.

«Дома у Ларссонов». Интерактивная инсталляция для выставки Карла Ларссона в Атенеуме

Целью большой выставки в Атенеуме (2012) было показать, как Карл и Карин Ларссон создали специфически скандинавское понимание домашнего мира, культуры семьи и детства и соответствующего им дизайна интерьера. Идея инсталляции А. Райхштейна – дать возможность взрослым и детям не просто увидеть, но прямо войти в этот мир через акварели Ларссона.